

ИЗЛОМАННАЯ СУДЬБА ПАМЯТЬ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ИСТОРИКА¹

Размышления над книгой: П.Г. Васенко. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / Вступительная статья, публ., коммент., указ. Н.П. Матхановой; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 2014. 331 с.

Ключевые слова: П.Г. Васенко, Н.П. Матханова, воспоминание, память, быт, детство, история семьи, профессионализм, историк, археография

Инстинкт профессии

Одна из примет последнего времени – усилившаяся саморефлексия историков – нашла отражение в публикации мемуаров и собственных дневников, во включениях самонаблюдений над своим ремеслом в тексты специальных исследований. Наряду с самоописаниями нарастает и волна публикаций рукописей своих предшественников. По мысли Раймона Арона, включение в исследовательский процесс субъективности историка стало очередной «коперниковской революцией». Как отмечает З.А. Чеканцева, ссылаясь на опыт французских историков, «эта революция имела очень существенные последствия: рефлексия о собственной практике стимулирует развитие рефлексии как нормы профессии»².

Публикация воспоминаний историка Платона Григорьевича Васенко (1874–1942), осуществленная доктором исторических наук Н.П. Матхановой, вписывается в *mainstream*, хотя и содержит принципиально новые моменты – автор ставит перед собой задачу произвести с позиций источниковедческой строгости, характерной для школы С.Ф. Платонова, к которой принадлежал ее герой, корректировку предшествующего издания³. Это своеобразное возвращение к истокам, а с другой стороны, это источниковедение второй степени – профессиональная обработка/доработка материала уже введенного в научный оборот, с исправлением ошибок и составлением обширного комментария к рукописи, что значительно расширяет контексты ее прочтения. Полагаю, что мотивация автора к переизданию в значительной степени объясняется инстинктом профессии – исследовательские огрехи у профессионала-историка могут вызвать у коллег чувства, сравниваемые В.О. Ключевским с ощущениями «набожного старообрядца, у которого в моленной накурили табаком»⁴. По подсчетам Матхановой, в публикации В.В. Митрофанова,

---

¹ Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ, проект № 2467.

² Чеканцева 2014. С. 260.

³ Речь идет о публикации воспоминаний П.Г. Васенко на страницах журнала «Клио». См.: Митрофанов 2013, 2014. В 2015 г. воспоминания были опубликованы в виде отдельной книги: П.Г. Васенко 2015.

⁴ Ключевский 1989. С. 242.

«имеется около 700 отступлений от текста рукописи – от мелких неточностей до обширных пропусков и серьезных ошибок» (с. 28), часть которых для иллюстрации сведена в таблицу, представленную во вводной статье. Между строк прочитывается и мотивация экзистенциального толка. Автор публикации пишет, что идея издать воспоминания Васенко, архитектоника текста и даже комментарии обсуждались с академиком Н.Н. Покровским⁵. И добавляет: «Его советы, общение с ним сыграли огромную роль в моей жизни и работе»⁶. Покровского и Васенко сближало общее проблемное поле, археографическая разработка выдающегося памятника русской литературы «Степенной книги царского родословия» – и даже судьба – оба, но в разное время, пережили репрессивное давление власти⁷. Все это делает фигуру Васенко не только вплетенной в общую интеллектуальную сеть, но и по-человечески близкой в сообществе новосибирских археографов и историков. И публикацию «Воспоминаний» стоит рассматривать как дань памяти интеллектуально и духовно близкого «честного труженика науки». В этом смысле корпоративная память выступает как норма профессии историка, не только в качестве этической составляющей, но как основа для «самоидентификации в качестве одного из видов homo academicus»⁸.

Вклад Н.П. Матхановой, разумеется, не ограничивается исправлением недочетов предшественников. Введенный в научный оборот источник должен циркулировать в научном пространстве, подниматься на более высокие уровни научной обработки и интерпретации. В плане диалогического взаимодействия с источником Матхановой сделан значительный шаг. Интерпретационное пространство источника расширяется за счет обширных комментариев. С одной стороны, исследователь включает в справочный аппарат примечания самого мемуариста (в основном разъясняются обстоятельства и персонажи его семейной жизни), а с другой, подключает второй справочный пласт, характеризующий эпоху, в которой разворачивается семейная сага Васенко: «разъясняются названия, исторические факты, даются краткие историко-биографические сведения о лицах, упоминаемых в публикуемых текстах». Публикатор корректирует неточности и анахронизмы, содержащиеся в воспоминаниях и комментариях самого П.Г. Васенко, зачастую обращаясь к архивным материалам. Отметим и то, что в ходе публикации орфография и

---

⁵ Н.Н. Покровский (1930–2013) – ученик М.Н. Тихомирова, академик РАН с 1992 г., создатель новосибирской школы археографов, которую Д.С. Лихачев называл «явлением удивительным в наших гуманитарных науках» и связывал с ней «археографическое открытие Сибири».

⁶ Матханова 2014. С. 34.

⁷ Н.Н. Покровский был арестован по делу Ренделя-Краснопевцева («университетское дело») и осужден 12 февраля 1958 г. на 6 лет лагерей, освобожден в 1963 г. без права проживания в Москве. Подробнее см.: Покровский 1994. С. 124–126.

⁸ Савельева 2011. С. 72.

пунктуация были «в основном исправлены согласно современным правилам, недописанные слова и сокращения восстановлены».

Важную роль в интерпретационном контексте играют приводимые письма П.Г. Васенко к современникам, значимым для него в научном и житейском плане – В.Д. Бонч-Бруевичу, С.Ф. Платонову, М.М. Богословскому, В.И. Малышеву, В.И. Срезневскому и др., безусловно информативны в плане изучения научного пути Васенко, его служебной карьеры, особенностей социального позиционирования в до- и послереволюционной реальности служебная, делопроизводственная документация: послужной список, анкеты и др., характеризующие профессиональную деятельность автора воспоминаний.

Во вступительной статье «Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко» автор публикации характеризует своего героя – «замечательного русского историка, члена Археографической комиссии, известного своими трудами по истории XVI–XVII вв. и публикацией исторических источников» (с. 5). Набор должностей, званий, наград, основных трудов, приводимый в документальном приложении к публикации, свидетельствует об успешности служебной карьеры и творческой судьбы историка в дореволюционный период. Он с золотой медалью окончил Петербургский университет, защитил диссертацию на степень магистра, преподавал в средних и высших учебных заведениях. П.Г. Васенко снискал признание в научном мире, прежде всего, как археограф и в этом плане «замечательным достижением была публикация такого важного памятника, как “Степенная книга царского родословия”» (с. 16). Жизнь круто меняется после 1917 г. Он вынужден менять одно место работы за другим, материальное положение семьи, по его оценке, «ведет нас прямо к катастрофе», умирает его вторая жена, с которой он прожил «в любви и согласии» 14 лет (с. 14). Благодаря поддержке своего учителя С.Ф. Платонова П.Г. Васенко устраивается на должность библиотекаря рукописного отделения Библиотеки Академии наук, решением ЦЕКУБУ переводится в «высшую группу «А» научных работников», что серьезно улучшило его материальное положение. Трагически изменило его судьбу печально знаменитое «Академическое дело». Он был арестован и «осужден с 15/ IV 1930 г. на 10-ть лет в концлагерь – Соловки» (с. 232), досрочно освобожден в марте 1933 г. и переведен на поселение во Владимир. Здесь он и создает свои «Воспоминания».

«В изложении я буду стремиться к самой добросовестной и, по-скольку в силах человеческих, объективной передаче событий...»

Новое издание «Воспоминаний» – дело полезное и своевременное. И я не могу удержаться от соблазна вслед за Н.П. Матхановой остановиться на некоторых моментах «прочтения» этого источника.

Содержательное наполнение источника достаточно сложно. Прежде всего, это собственно воспоминания, попытка создания автобиографического текста, отражающего жизненный и профессиональный путь

П.Г. Васенко «в прошлые дооктябрьские годы... с начала XIX столетия по конец 1917 г.». Для записи воспоминаний о настоящем времени... начиная с Великой Октябрьской революции, оговаривается он, «я не чувствую себя готовым: они еще далеко не вполне скристаллизировались в моем сознании» (с. 36). Представляется, что в данном случае в позиции автора «скристаллизировались», пользуясь его терминологией, и опыт историка, научная добросовестность (для того, чтобы упорядочить воспоминания, создать единое автобиографическое целое, необходима определенная историческая дистанция), и оправданная житейская осторожность человека, осужденного по «академическому делу», побывавшего на Соловках и находящегося в ссылке.

Появление такого документа явилось результатом случайно-обязательного сочетания различных факторов, определяемых эпохой и личностью автора или, как он сам пишет, «обстоятельствами и побуждениями двух родов – внешнего и внутреннего» (с. 35). К стимулам первого рода относятся обстоятельства жизни П.Г. Васенко во владимирской ссылке – «досуг, вынужденный отчасти отсутствием в данное время и при данной обстановке подходящей мне по специальности и по силам деятельности, отчасти полуинвалидностью, и необходимость какого-нибудь подспорного заработка» (с. 35). Проблема материальной обеспеченности, стоявшая перед автором на протяжении большей части его жизни, приобретает в ссылке катастрофический характер, красной нитью проходит через его переписку с В.Д. Бонч-Бруевичем⁹. Не следует недооценивать и внутреннюю мотивацию автора, обозначаемую им следующим образом: «желание передать будущему поколению, зафиксировав на бумаге, все, что личная память сохранила о прошлом ныне быте и что, по моему мнению, представляет некоторый, пусть незначительный, общий интерес, стремление трудиться, пока позволяют мои силы, на любимом мной литературном поприще» (35-36).

Соглашаясь с мотивационными установками, обозначенными автором воспоминаний (жесткая нужда, вынужденный творческий простой), Н.П. Матханова справедливо выделяет и личностный, глубинно-душевный мотив – «воспоминания о детстве как о счастливой и золотой поре жизни», сожаление о разумно организованной, счастливой жизни семьи автора до революции. Разумеется, и тогда жизнь не лишена была

---

⁹ В.Д. Бонч-Бруевич – видный советский деятель, в период создания «Воспоминаний» (вторая половина 1933 г. – первая половина 1934 г.) занимал пост директора Государственного Литературного музея. В дореволюционный период его имя, как исследователя и издателя материалов по истории раскольников и сектантов, было известно в научном сообществе историков. От него получил заказ на написание собственных мемуаров такой же опальный, как и П.Г. Васенко, историк В.Г. Дружинин. Васенко, ссылаясь на мнение своих коллег «о благорасположенности» В.Д. Бонч-Бруевича (очевидно подразумеваемая участие в судьбе историков, привлеченных по «Академическому делу»), обращается к нему, надеясь получить заказ на написание воспоминаний, плата за которые может вызвать его «из финансовой петли» (с. 237).

проблем и трагических коллизий, отраженных в воспоминаниях (самодурство деда и прадеда со стороны матери, смерть брата Гриши, «отдаление» отца автора воспоминаний от жены и семьи, нервный срыв матери), но ностальгическая нота в воспоминаниях несомненно присутствует. Здесь наличествует момент «идеализации по контрасту» с неблагоприятным жизненным фоном после революции. Согласимся и с тем, что «само по себе очевидное одобрение реалий прошлой царской России», можно оценить как скрытую оппозицию: «С очевидной гордостью перечисляет П.Г. Васенко заслуги своих предков, их звания и награды. В этих рассказах нет ни тени смущения или извинения, не говоря уже об осуждении»¹⁰. В какой мере эта скрытая оппозиция была отрефлексирована самим историком, имело ли место одобрение или, скорее, отсутствие обличения и осуждения реалий дореволюционной России, или принятие их как исторической данности – вопросы дискуссионные.

Обратим внимание и на то, что замысел мемуариста осуществился далеко не в полной мере: повествование доводится до 1883 г. и значительное место в нем занимает история раннего детства. К мотивам, побудившим П.Г. Васенку «вернуться в детство», можно, пожалуй, отнести еще один – пришедшее к нему, вероятно, с годами ностальгически окрашенное осознание важности этого периода в формировании «жизненного мира» человека, личностно-смыслового фундамента его деятельности. По Ж.П. Сартру, требуется немалое время, чтобы осознать значение этого периода, определяющую неуничтожимость, нестираемость первоначального жизненного опыта: «У каждого человека свои природные координаты: уровень высоты не определяется ни притязаниями, ни достоинствами – все решает детство. В пятьдесят лет я сохранил свои детские черты, пусть изношенные, стершиеся, попранные, загнанные вглубь, лишенные права голоса... чуть ослабишь внимание – они поднимают голову»¹¹. В отечественной традиции закрепилось афористичное высказывание Л.Н. Толстого: между рождением и пятью годами – целая вечность, между пятью годами и зрелостью – один миг.

История ребенка тесно связана с историей семьи, и автор, как мы убеждаемся, создал своего рода семейную сагу. Начиная с рассказа о своем рождении, он предстает в нескольких ипостасях: мемуариста-повествователя, героя повествования, персонажа семейной саги и историка. Соответственно выглядит и сюжетное поле воспоминаний, где семейное предшествует личному – автор повествует о «тех из моих предков, о ком я слышал рассказы или имею сведения от моих отца и матери», приводит яркие персональные характеристики: например, Михаил Тарасович, дед по материнской линии «был очень самолюбив, любил поспорить, погорячиться, был вспыльчив». Особо отмечается, что

---

¹⁰ Матханова 2014. С. 8.

¹¹ Сартр 1992.

дед «сильно страдал от запоев (когда он становился чуть ли не зверем)», а также от пристрастия к азартным играм. И, в то же время «дед отличался отсутствием мелочности, был щедр, умел быть ласковым и реагировал на ласку, любил пошутить, хотя далеко не всегда любил, чтобы над ним подшучивали, – черта общечеловеческая (с. 72).

В сюжетное поле воспоминаний входит также повествование о детских годах и взрослой жизни родителей, их учебе, знакомых и сослуживцах. Воспоминания показывают нам с неожиданной, личностно-бытовой стороны даже весьма известных исторических деятелей – так, брат подруги матери «Алины» Ткачевой, видный деятель революционного движения Петр Никитич Ткачев в отрочестве отличался крайней застенчивостью и был прозван своей матерью, очень его любившей, «красной девицей». Яркие портретные характеристики и бытовые подробности реальной жизни информативно ценны для нас в этом источнике. Типичен для автобиографии и сюжетный набор воспоминаний о раннем детстве. Первые сложности в отношениях с окружающим миром (напр., приобретенный благодаря неосторожности сестер дефект зрения), первая (в четыре года) истерика, вызванная непониманием со стороны взрослых, первое настоящее горе, вызванное смертью брата Гриши, «любимого товарища детских игр и забав». И далее по списку – родители, родственники, болезни, игрушки, няни, прислуга, книги, переезды, режим питания и «молочное хозяйство» и пр. Яркость и образность, детализированность и портретность сохраняются и в этой части мемуаров. Автор явно тяготеет к событийной биографии более, чем к интеллектуальной, и такой подход, характеризующийся интересом к «непредсказуемо-индивидуальным», «нормально-исключительным поступкам» вполне вписывался в позитивистский научный дискурс, который для Васенко являлся профессионально родным.

Отсутствуют, ввиду незавершенности воспоминаний, материалы по выбору профессии, но и здесь просматривается «задел на будущее» – автор указывает, что от деда по материнской линии ему «досталось одно из довольно ранних изданий карамзинской «Истории Государства Российского» с ключом к ней Строева (54). Мать мемуариста, сдавая при Петербургском университете экзамен на звание домашней учительницы, «главными предметами взяла русский и историю, по последнему предмету экзаменовалась у М.М. Стасюлевича, молодого тогда профессора, очень элегантного, отнесшегося к ней с большим вниманием» (71). Семейная традиция, связанная с интересом к истории (не являющаяся, судя по контексту воспоминаний, доминантной), разумеется, еще не определяет профессиональный выбор будущего историка, однако способствует формированию необходимого для него познавательного интереса.

Повествование находится в русле отечественной мемуаристики, автобиографических повестей о детстве (автобиографическая трилогия Л.Н. Толстого, «Мои воспоминания» сына его И.Л. Толстого, повести

С.Т. Аксакова, Н.М. Гарина-Михайловского, В.М. Гаршина, А.М. Горького, И.А. Бунина, А.Н. Толстого). Мемуары П.Г. Васенко содержательно вписываются в этот автобиографический нарратив, в этот ряд свидетельств содержательного богатства проживания и фиксации «подробной жизни». И, разумеется, перед нами ранний опыт обращения к истории быта, повседневности, семейного микросоциума.

Все-таки, даже сделав эти выводы, испытываешь ощущение неполной содержательной исчерпанности источника. Сомневаешься в том, удалось ли в полной мере реализовать исследовательский принцип, сформулированный В.О. Ключевским – в том, о чем документ говорит, надо суметь увидеть то, о чем он умалчивает. Причем упускаемая информация может лежать на поверхности – как известно, чтобы надежно спрятать что-либо, надо поместить его на самом видном месте (принцип Шерлока Холмса). В этой связи замечу, что «прошлый быт», столь любезный сердцу мемуариста, изображается им часто в юмористическом, а иногда и в сатирическом ключе. По страницам воспоминаний проходит целый ряд подобных персонажей и эпизодов – реальных и полуполюгендарных («семейных легенд»). К последним принадлежит анекдотический рассказ о приезде отца автора «Грицка Васенка» на учебу в Петербург в Морской корпус в сопровождении отставного генерала, соседа по имени. После провала на экзаменах выяснилось, что тринадцатилетний подросток-сын офицера не знает ни фамилии своего спутника (с которым он проделал долгий путь из Полтавы в Петербург), ни его адреса в Петербурге. «В Полтаву же, при тогдашних путях сообщения, – повествует Васенко – отправлять подростка было совершенно невысказано», и директор Корпуса, поговорив немного с моим отцом, решил его участь: «Ну что же делать!? Принять его» (с. 41-42). Как представляется, воспроизводя данную семейную легенду о наивном, но удачливом провинциале, автор не особенно задумывается о ее правдоподобии (степень неведения мальчика-подростка в этом эпизоде просто фантастична).

Юмористические, с разной степенью правдоподобия, эпизоды присутствуют в рассказах о детстве отца автора на Полтавщине, преподавании в Морском корпусе, где тот учился, жизни семьи в 1840–1856 гг. Обратим внимание и на то, что с чисто семейными эпизодами в мемуарах соседствуют городские легенды, именуемые автором «рассказами-воспоминаниями моей матери», много раз слышанными в детстве». Пример такого легендарного, фольклорного нарратива – приводимая Васенко в нескольких (трагических и трагикомических) вариантах «печальная история 2-х петербургских влюбленных» (101-102). То есть в мемуарах, помимо автобиографического, наличествует и иной содержательный пласт – перед нами анекдоты в старинном (XVIII– XIX вв.), «пушкинском» смысле слова. Великолепным примером подобного творчества, коротких, с юмористической составляющей «персонифицированных свидетельств эпохи», являются принадлежащие пушкинскому

перу сборники анекдотов «Table talk» (среди них центральное место занимают анекдоты о Потемкине, разговоры Н.К. Загряжской). Рассмотрение источника и как «дней минувших анекдоты» не противоречит, по моему мнению, и авторской самооценке. Вспомним, что свою первую, написанную в ссылке книгу мемуарного или полумемуарного характера в ранних письмах к В.Д. Бонч-Бруевичу он назвал «Анекдотические факты». Ирония по отношению к прошедшему вообще присуща историческому познанию, вспомним хотя бы знаменитый хитро-иронический подход В.О. Ключевского, который Л.Н. Толстой оценивал следующим образом: «Хитрый. Читаешь – будто хвалит. А вникнешь – обругал»¹².

Таким образом, рассматриваемый источник продолжает традиции не только отечественной автобиографической мемуаристики, но и литературной и исторической ироники. И дело не только в жанре. Воспоминания П.Г. Васенко можно рассматривать и как источник по изучению взаимовлияния литературных и историографических процессов в общекультурном поле, в котором постепенно выкристаллизовывалась проблематика повседневности и складывались общие интеллектуальные процедуры. В этом плане для диагностики процесса осмысления общего интеллектуального контекста в отечественной гуманитаристике весьма показательна постановка вопроса в современной историографии о сходствах и различиях микроистории и филологии¹³.

В воспоминаниях П.Г. Васенко на одном нарративном пространстве совмещаются воскрешаемое, насколько это возможно, наивно-непосредственное восприятие детства (память) и интерпретация семейной и детской истории с позиции не только взрослого человека, но и профессионального историка. Такого рода источники в силу их фрагментарности, некоторой бытовой приземленности особенно нуждаются во включении в полноценный исторический контекст, реконструируемый публикатором, выполняющим, пожалуй, даже роль соавтора, что, безусловно, удалось Н.П. Матхановой. Эта публикация займет достойное место в современном историографическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- П.Г. Васенко.* Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / вступ. статья, публ., коммент., указ. Н.П. Матхановой. отв.ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 331 с.
- П.Г. Васенко:* Из творческого наследия (Исследования. Воспоминания. Переписка): Материалы / Вступ. статья, сост., публ. В.В. Митрофанова. Нижневартовск: Нижневартровский государственный университет, 2015. 366 с.
- Зенкин С.* Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2006. М.: Наука, 2007. С. 365-377.
- Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии. Лекция VI // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.VII. М.: Мысль. 1989. 511 с.

---

¹² Цит. по: *Нечкина* 1974. С. 234.

¹³ *Зенкин* 2007.

- Матханова Н.П.* Судьба и мемуарное наследие П.Г. Васенко // П.Г. Васенко. Воспоминания о моей жизни и прошлом бытие... 2014.
- Митрофанов В.В.* «Желание передать будущему поколению...»: П.Г. Васенко и его «Воспоминания» // Клио. 2013. № 2 (72). С. 3-8; № 7(78). С. 27-33; № 11(83). С. 24-30; 2014. № 1(85). С. 3-11; № 2 (86). С. 7-17; № 3 (87). С. 15-23; № 4 (88). С. 5-13.
- Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.
- Покровский Н.Н.* «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) Письмо Н.Н. Покровского в редакцию журнала // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 124-126.
- Савельева И.М.* «Уроки истории» ученой корпорации // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск: Изд. ОмГУ, 2011. С. 63-80.
- Сартр Ж.П.* Слова / Сартр Ж.П. Стена. М., 1992.
- Чеканцева З.А.* Историки, история и память в современной Франции // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд. ОмГУ, 2014. С. 253-267.

REFERENCES

- P.G. Vasenko. Memories of my life and last life / introd., comp., comment, index by N.P. Matkhanova. отв.ред. N.N. Pokrovsky. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 2014. 331 pages.
- P.G. Vasenko: From a creative heritage (Research. Memoirs. Correspondence): Materials / Vstup. article, publ. V.V. Mitrofanov. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk state university, 2015. 366 p.
- Zenkin S.* Microhistory and Philology // Kasus. 2006. М.: Nauka, 2007. P. 365-377.
- Klyuchevsky V.O.* Lectures on the Russian historiography. Lecture VI // Klyuchevsky V.O. Comp. in nine volumes. T. VII. М.: Mysl', 1989. 511 p.
- Matkhanova N.P.* Destiny and P.G. Vasenko // P. G. Vasenko's memoirs heritage. Memories of my life and last life... 2014.
- Mitrofanov V.V.* "Desire to transfer to future generation ...": P.G. Vasenko and his "Memoirs"//Clio. 2013. No. 2 (72). P. 3-8; No. 7(78). P. 27-33; No. 11(83). P. 24-30; 2014. No. 1(85). P. 3-11; No. 2 (86). P. 7-17; No. 3 (87). P. 15-23; No. 4 (88). P. 5-13.
- Nechkina M.V.* Vasilii Osipovich Klyuchevskii. Istoriya zhizni i tvorchestva. М.: Nauka, 1974. 640 s.
- Pokrovskii N.N.* «Дело» molodykh istorikov (1957–1958 gg.) Pis'mo N.N. Pokrovskogo v redaktsiyu zhurnala // Voprosy istorii. 1994. № 4. S. 124-126.
- Savel'eva I.M.* «Uroki istorii» uchenoi korporatsii // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik. Vyp. 7. Omsk: Izd. OmGU, 2011. S. 63-80.
- Sartir Zh.P.* Slova / Sartir Zh.P. Stena. М., 1992.
- Chekanitseva Z.A.* Istorki, istoriya i pamyat' v sovremennoi Frantsii // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk: Izd. OmGU, 2014. S. 253-267.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

Broken destiny: Memory and professionalism of a historian

Reflections on the book: Vasenko. Memories of my life and the old way of life / Introductory article, publish., comm., ind. by N.P. Matkhanova; Ed. N. N. Pokrovsky. Novosibirsk: SB RAS Publishing, 2014. 331 p.

Keywords: P.G. Vasenko, N.P. Matkhanova, remembrance, memory, way of life, childhood, family history, professionalism, historian, Archaeography

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor, Department of modern national history and historiography, Omsk State University of F.M. Dostoyevsky; korzunv@mail.ru